

Владимир Грузда

Трофей

12+

Владимир Грузда
Трофей

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Грузда В.

Трофей / В. Грузда — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Суровые времена царствования Ивана Грозного - времена сильных людей. И если на кону честь рода и собственный успех - для победы хороши все средства. Бывший опричник Хлебалов мечтает отличиться в бою. Но желанный трофей добывается не только победой над врагом, но и преодолением себя. Ведь когда проливаешь кровь вместе с теми кого ненавидишь, что-то в тебе меняется.

Владимир Грузда

Трофей

Лето 7085 по Сотворению Мира.

Начинался новый печальный период Ливонской войны (1558-1583 гг от Р.Х.). Период полный героических подвигов русских солдат и горьких поражений Московских ратей. В январе-марте 1577 года 50-тысячное войско под командованием князя Мстиславского и Шереметева осаждало Ревель (Колывань), один из двух не покоренных городов Ливонии.

1

Хлебалов выбрался из засыпанной рыхлым снегом утепленной суконной палатки. Шалаша, палатки, полуземлянки других десятков стояли кругом, словно сугробы. Над ними вились ленточки белого дыма. Топили походные очаги.

Снегопад продолжался всю ночь, выбелив вырытые в мерзлом глиняном грунте земляные укрепления, и завалив вытопанные до черна пяточки на деревянных платформах вокруг стенобитных пушек. Снег пухлыми шапками лежал на высоких защитных щитах для огненного боя и затинных пищалей. Белизна поражала яркостью и резкостью света, ослепляя чистотой и свежестью.

Кирилл помотал головой, восстанавливая зрение. Поморщился от принесенного ветром запаха. Развеять стойкий пороховой дух вчерашних пожарниц природа оказалась не в силах. Морозный воздух с Балтики мешался с пылающими всю ночь охранными кострами, впитывал запахи овсовой похлебки, конского навоза и сена, и разносился по пробуждающемуся лагерю.

Хлесткий порыв пронизывающего ветра вновь рванул полы стеганного набитого хлопком кафтана, и забрался под зипун и нательную рубаху. Хлебалов поежился, одернул вмиг задубевший и ставший шершавым и колючим кафтан. Зачерпнул ладонью снег и попробовал его на вкус. Жесткие льдинки вначале покалывали язык и нёбо, но растаяв, наполнили рот освежающей и бодрящей влагой.

Согреваясь, он резко и громко хлопнул в ладоши. Словно в ответ на приветствие, звонко щелкнул на ветру стяг князя Голицына. Хлебалов взглянул направо. Там, в сотне сажений от него, располагался зимний походный шатер воеводы. Высокий шест, установленный возле шатра, тщетно стремился пронзить низкое серое небо. На его верхушке шумно трепетал красно-желтый прямоугольник, играя длинным треугольным вымпелом. Лик Спасителя, будто выглядывая из складок боевого знамени, грустно взирал на неприступные стены Колывани.

Несокрушимые стены, покрытые черной копотью, покалеченные картечью и ядрами, грозно возвышались над засыпанным снегом русским лагерем. Над каждой башней осажденного города гордо реяли шведские знамена – синие, черные, желтые.

Глядя на них, Хлебалову почудилось, как февральское хмурое небо расступается, обтекая город с обеих сторон. Природа словно оберегала осажденных, обрушивая свой жесткий нордический нрав на нападающих. Он чувствовал на губах и языке соленый вкус северного моря. Каждая клеточка тела ощущала холодное враждебное дыхание и давление стихии, пытающейся снести их лагерь.

Неожиданно порывистый ветер стих. И мир словно оглох в безмолвии, готовясь к новому дню, наполненному грохотом пальбы, яростными криками, предсмертными стонами, ликованием победителей и проклятиями побежденных.

2

– Эй, чего замечтался! – десятник Лыков грубо толкнул в бок. – Подь за водой.

Хлебалов неторопливо поднял взгляд на командира. Заглянул в его налитые неприкрытой злобой карие глаза. Затем перевел взор направо, где сиротливо стояли потемневшие от

времени и частого использования деревянные ведра. Вместе с водой, учитывая наледь и тяжелое промерзшее дерево, будут по пуду веса каждое. Поглядел на затянутую льдом речушку. Три сотни сажень (650 шагов – не меньше). Так можно и пуп надорвать, тягая по глубокому снегу такую поклажу. Но спорить с десятником, доказывая, что сегодня не его черёд, не имеет смысла. Лыков взъелся на Кирилла с самого первого дня. И опять это треклятущее прошлое!

– Ладно, возьмешь с собой Степана. – снисходительно бросил Лыков отходя.

Лучше бы он этого не говорил. Опять тычет Хлебалова харей в навоз, зная ненависть последнего к "черному люду". Лыков знает, и потому постоянно ставит в пару к Хлебалову тяглых. Но, а где в их сотне найти боевых холопов не из служилых по прибору? Кроме него, да Лыкова и нет их, природных слуг государевых. Кругом одни тяглые.

Хлебалов поморщился, оглядывая этих лапотных крестьян и ремесленников, скинувших природные порты, и облачившихся в тягиля и шапки железные. Многие из них уже несколько лет как боевые холопы, но все равно, казалось, что эти мозолистые грубые руки более привычные к косе и вилам, но не к саблям и лукам. Они все так же травили глупые крестьянские байки, вспоминали пахоту, сенокос. Тянули грустные холопские песни. Ни тебе сказаний о ратных подвигах, ни песен о героях-победителях!

Кирилл с досады сплюнул. Слюна, не долетев до земли, свернулась мерзлым шариком и юркнула в снег.

– А можно я с вами?

Хлебалов искоса глянул на, посмеявшегося влезть в его думы, безусого Алешку. Тот тоже выбрался из жилища, и теперь, словно нахохлившийся воробушек, сидел на походной суме, набитой солдатским тряпьем. Тщедушный, нескладный отрок семнадцати лет отроду. Что сей вояка делает в походе?

Хлебалов насупил брови. Историю призыва на службу пищальника Алешки он знал. Тот был из калужских крепостных. Из вотчины Роговых. Сам господин в поход не пошел – выставил дополнительных ратников. Отдал кого не жалко. Алешка-сирота оказался в их числе.

Отрок был хил, к тяжелой крестьянской работе не гош. Зато любил коней, оттого и служил при господской конюшне. За год до похода, московский дворянин Рогов, навестив имение, заметил парнишку, и, смея ради, дал ему популять из пищали. Разогнать крестьянскую глухомань. Алешка настрелял с десятков ворон, и Лыкову, как старшему над боевыми холопами, поручили сделать из него ратника. Никто тогда и не думал, что из парнишки выйдет толк. А вот он и в походе. Из воинских умений знает огненный бой. Оттого и доверили ему пищаль. Глядишь станет рейтаром.

Хлебалов усмехнулся собственным мыслям. И вновь вспомнил, что Алешка всегда таскается за ним. Для парня это хорошо, может уцелеть в бою. А ему самому какой с того навар? Ему бы в обойму пару добрых рубак! Да где таких взять среди сиволапых крестьян и ремесленников его десятка? Хотя к двоим все же стоило приглядеться.

Игнат – московский ремесленник. Смышленный мужик, с черной курчавой бородой и глазами навывкате. Жилистый, с твердой рукой и метким глазом. Ему не повезло: получил увечье левой руки. Потерял два пальца – работать стал не способен, а для войска сгодился. Война, она всё исправит – покалечит так, что все прежние хвори вспоминать будешь, как Божью благодать.

Михайло, дюжий малоросс с длинными казацкими усами и куцей рыжей бороденкой. Пришёл из Запорожской Сечи служить русскому царю. Что уж у него в Сечи приключилось никто не ведал, сам Михайло никому не открывался. Но воином был отчаянным. Рубился с татарами, ходил на Турку, был под Псковом. За то и держали в боевых холопах.

Этих стоило иметь в товарищах.

– Степан, айда за водой! – крикнул Хлебалов, не оборачиваясь.

Степан выскочил из палатки и, не говоря ни слова, размашисто зашагал к реке.

– Ведра захвати, болван! – раздраженно рявкнул Хлебалов.

– Я не болван! Я – Степан, – беззлобно прошептал двухметровый детина, надув губы. Затем зашагал к ведрам. Подхватил за раз четыре штуки, и двинулся к речке, торя тропинку в глубоком снеге.

Хлебалов с грустью поглядел вслед удаляющемуся Степану-дурачку. Вспомнил, что о нем сказывали. Тот родом из Владимирской сыромятной артели. Детина недюжего здоровья. Знавшие его владимирские баяли, что он мял овчину с таким наслаждением, словно в мире нет иной радости. Да и любое поручение Степан исполнял с охотой и готовностью. Такой работник пришелся бы к любому делу, да только имелся в нем серьезный изъян. Не дал ему Бог разума. Здоровья и сил скока хош, а думалки нет! За то здоровенного детину, способного мять овчину, но не понимающего простых вещей, и отдали в боевые холопы. К тому же, с любым воинским вооружением Степан справлялся так же, как и с повседневной холопской работой. А потому имела надежда, что он принесет хорошую добычу своему господину. Но, а погибнет – не жаль. Такого лучше в войско на погибель, чем позволить плодить безмозглое племя.

– А я?! – жалобно заскулил Алешка. Хлебалов зло поглядел на нескладно скроенного парня. Тот выжидательно глядел щенячьими глазами.

– Ну, чего расселся! – рявкнул Кирилл. – Хватай ведра, дуй за дурачком!

Алешка подскочил. Уронил шапку. Нагнулся ее подобрать. Оскользнулся, чуть не растянулся в сугробе. Извиняясь глянул на Хлебалова, и, подхватив два оставшихся ведра, помчался следом за удаляющимся Степаном.

Кирилл удрученно покачал головой. Послал же Бог помощничков. Затем приосанился. Заложил большие пальцы рук за кушак, лихо заломил на затылок шапку, и не спеша, статно вышагивая по проторенной впереди идущими тропинке, двинулся к речушке.

Десятник Лыков тяжелым взглядом следил за этой несуразной тройцей. Не на миг не выпуская из поля зрения спину "ненавистного опричника".

3

Осадные дни тянулись унылой чередой. Дело имелось лишь для пушкарей, отчаянно бомбивших городские стены. Но осадных орудий оказалось недостаточно, били они не точно. Шведские пушки пуляли ядра дальше, а потому пищальные наряды москвитов располагались за линией огня неприятеля. Может потому и не удавалось добиться желаемого. Каленые ядра, летящие в город не приводили к пожару, а толстые стены, оказались прочны. Русские ядра, как горох, сыпались в крепостной ров.

За двухнедельную бомбардировку Ревеля успеха добились дважды: обвалили стену одной из башен, да сшибли шведский прапор. Но радость от успеха оказалась недолгой: к утру ревелыцы стену восстановили, а боевое знамя свалилось внутрь крепости, и добыть сей славный трофей не удалось.

Русские конники каждое утро гарцевали перед воротами, выманивая неприятеля на честный бой. Но револьский гарнизон оставался глух к такому вызову. Несколько раз шведы устраивали дерзкие вылазки, подбирались к русским пушкам, сходились в рукопашную с ратниками пищальной охраны, забивали гвозди в запальные отверстия, чем надолго выводили орудия из строя. Отбивать такие набеги поднимались воины передового полка. Бешено мчались от становища к месту схватки. Но только и видели уходящие в ворота крепости отряды неприятеля. Затем со стен летела картечь и ядра, и передовому полку приходилось ещё быстрее нестись назад, оставляя за спиной погибших и раненых товарищей. Раненые стонали и отчаянно зывали о помощи. За ними возвращались, когда стихала пальба, и когда десятники определяли чьи ратники остались лежать на поле. Им оказывали помощь, если к тому времени те не истекали кровью и не замерзали насмерть.

Однажды, наблюдая всё это, Хлебалов в сердцах сказал:

– Чем воеводы думают?! Нам бы апроши ночью насыпать.

– Чевойт энто? – сразу же откликнулся Алешка. Он опять крутился возле Кирилла, чем безмерно раздражал последнего.

К тому же отрок оказался любознательным. До всего ему было дело. Может от того и пищаль господская в руки к нему попала – тянуло паренька к знаниям.

Хлебалов хотел огрызнуться, отделаться от настырного юнца. Но передумал, и наставительно сообщил:

– Придумка немецкая. Насыпи земляные, чтоб пехоту, али конников подвести к крепости, и под пищали, да огненный бой со стены не попасть.

– Так шанец же есть. – Искренне удивился Филипп, прилаживающий над костром походный котелок. – Там и насыпь и щиты.

– До шанца ишо доскакать надь. – Благоразумно объяснил Игнат. – А в чистом поле нас швед из пищалей посечет. Видал скоко наших уже полегло?

Вместо ответа, Филипп зашелся кашлем.

Кирилл, прищутив левый глаз, пристально поглядел на толкового Игната. Тот расположился возле костра, занимаясь починкой седла. Привычной для себя работой.

Хлебалов хотел промолчать, считая недостойным точить лясы с холопами, но передумал и добавил:

– К тому апроши заморские и нужны.

– Где ж ты такое бачил? – поинтересовался Михайло. Разговор привлек и его. Тот выбрался из палатки, на ходу запахивая тулуп.

Хлебалов не понимал, что с ним происходит, но продолжал делиться с этой чернью собственными мыслями и знаниями. В какой-то миг он испугался, что охолопился настолько, что стал товарищем для тяглых. Но с другой стороны, так оно и есть. Сейчас он один из них: боевой холоп московского господина Рогова. Боевой товарищ охотникам, конюхам, ремесленникам. Воинам по прибору, а не по отечеству. Теперь он и сам таков.

– Я прошлом годе в плену был у посполитов. – доверительно сказал Кирилл. – Сошелся с немцем одним. Он у литовцев на службе состоял. Земельных дел мастер. Все балагурить любил. По-нашему учился. Хорошо ругался, собака!

– Я тож у турок в полоне сидел. – Поддержал Михайло. – Полгода. Потом утек.

– Я из плена выкупился! – Хлебалов гордо приподнял подбородок. – За двести рублей!

Ратники удивленно глядели на Кирилла. Никто из них не представлял, что такой выкуп можно собрать. Да и вряд ли кто из них представлял, что такое богатство существует, и им может кто-то обладать.

Хлебалов обладал. И даже после уплаты выкупа оставался в силе выставлять урочное число боевых холопов на смотр. Конечно же, уже не с прежним блеском, не так "цветно", но и это могло исправиться, кабы Господь сподобился ему отсрочить пару лет.

Ан нет. Пришла беда – отворяй ворота.

Заступил в их приграничный городок новый второй воевода. Московский дворянин Митрофан Оладьин. Тот самый, из-за кого Хлебалов двумя годами ранее оказался брошенным своими в битве под Коловертью.

Сотенный голова Оладьин тогда отделил полусотню Хлебалова для защиты обоза, а сам с первыми воеводами помчался прочь, спасаясь от шведов, не имевших даже сил преследовать многочисленную бегущую русскую армию.

Оставшиеся бились два часа. Оберегали обоз и большой пищальный наряд. Сбежавшие воеводы не смогли или не захотели развернуть полки навстречу врагу. Даже не удосужились приказать готовить пушки к бою.

Брошенные ратники отбили восемь шведских атак, но девятая сокрушила попытки уцелевших сохранить армейские припасы, оружие и боевые стяги. Полегли все: стрельцы, город-

ские казаки, воины пушкарской охраны, пушкарки, сотни дворянских конников сторожевого и большого полков.

Хлебалов потерял всех своих боевых холопов, был ранен и оказался плененным литовским князем.

– Двести рублей?! – изумленно переспросил Михайло, и покачал головой.

Кирилл расправил плечи, горделиво выпятил грудь. Пушай знают с кем они из одного котла кормятся.

– Двести рублей. – рассмеялся Степан.

Хлебалов помрачнел, перевел взгляд на неприступные стены крепости и широкое поле, раскинутое перед ней. Это поле им предстояло пересечь, чтобы овладеть городом. И тогда они добудут чести государю и богатые трофеи своему господину. Что-то перепадет и им. Он очень на это надеялся.

Только бы скорее!

Тянулись тягостные осадные дни.

4

Дородный воевода, в длинной лисьей шубе и черной высокой шапке, неторопливо ехал меж палатками и землянками ратников передового полка. Оказавшиеся на его пути воины почтительно расступались, ломали шапки, кланялись в пояс. Князя Хворостовского в полку хорошо знали. Являясь вторым воеводой в Передовом полку, он был из тех, кто любил самолично зреть как живет на постое его людишкам. Каждую неделю объезжал лагерь, иногда заговаривал с ратниками.

По началу его почин пытались перенять тысяцкий голова и пятисотенные головы, но быстро забросили. Кому охота по такому морозу гарцевать среди черни.

Сегодня, отправленный за дровами, Хлебалов натолкнулся на князя у палатки их десятка. Хворостовский резко остановил коня. Долго всматривался в ратника, затем хлопнул себя по бедрам и зычно спросил:

– Хлебалов, ты ли это?

Кирилл скинул в снег нарубленные ветки и, не снимая шапки, поклонился воеводе:

– Будь здрав, воевода. Аз Хлебалов.

– Ты как здесь? Ты ж у меня конником состоял. Славным рубакой был!

Князь оглядел низкие присыпанные снегом палатки, сложенные в пирамиду пики и бердыши. Укоризненно покачал головой.

– Что ж ты – оскудел?

– Оскудел, князь. – Хлебалов понурил голову, не смея поднять взгляд.

– Что ж, и заступить некому было?

– Некому, князь.

За опричную службу Кирилл получил вотчину в приграничьи с Речью Посполитой. Но с местными дворянами сдружиться не смог и не захотел. Те с опаской относились к бывшему опричнику, Кирилл же не якшался с худородными, и умудрился перессориться с окладчиками и лучшими людьми в городе.

Когда же в городе появился Митрофан Оладьин, меж ними вспыхнула ссора. Помянули старое – началась тяжба. Оладьин оказался хитрее, а Хлебалова никто из местных не поддержал. Окладчики отвернулись, в долг не дали.

Собственным именем, пока шло препирательство, да разбирательство, Хлебалов поиздержался, да потратился на посулы и подарки. Дошел до разорения – так, что и служебную рухлядь справить не смог.

Отец, вмешался в тяжбу, писал челобитную царю. И замирились бы, да Кирилл вновь норов свой показал. Не пошел на примирение. Попустил выговор ответчику, да при понятых и приставе. Оттого получил "отнятие чести", с записью в Разрядную книгу.

После того в услужение к отцу и старшему брату, в их вотчины, не пошел. Решил своим бесчестьем их не позорить. Ушел в кабалу к московскому дворянину, стал боевым холопом.

Хворостовский прищурил левый глаз, изучающе глядя на помрачневшего от тягостных воспоминаний Хлебалова:

– Опять норов показал? Беса попустил?

– Твоя правда, князь. – еще сильнее склонил голову Кирилл.

– Что ты тут – десятствуешь?

– При московском господине я.

Хворостовский задумчиво покачал головой:

– Ну не тужи, молодец. Как ни здесь нам славы добыть!

Затем обернулся к окружающим его воинам, выглядывающим из палаток головам:

– А что, служивые, возьмем мы град сей?

– Возьмем! – зашумело войско.

Хворостовский лихо заломил высокую шапку и направил коня дальше, вдоль рядов солдатских палаток.

Хлебалов завистливо поглядел в спину, удаляющегося воеводы. Четыре года, состоя в опричниках, он прослужил под началом князя Хворостовского. Вместе наводили порядок на русской земле, несли береговую службу от татар. Но после неудачного заградительного похода против крымчан, после разорения татарами Москвы, Хлебалов окончательно разуверился в богоизбранности опричных войск. Разругался с командирами, и был отписан рядовым конником в войско московское, стоящее в Ливонии. Три года бился с ливонцами. Дослужился до пятидесятника. Но вялость и нерешительность командиров вновь развязала ему язык, позволив порочащим, скверным словам вырваться наружу. Не за этот ли грех попустил Господь свершиться над ним всем несчастьям? Срамное поражение под Коловертью, литовский плен, выкуп, оскудение, злая тяжба с Оладыным и утеря вотчины.

Он был служивым по отечеству, выезжающим в окружении собственных боевых холопов, бился бок о бок с детьми боярскими, командовал полусотней дворянских конников. Но теперь, те славные деньки, овеванные ратными подвигами, прошли. В отъезжающем Хворостовском Кирилл видел лишь скорбное о них напоминание.

Отводя исполненный грустью взгляд, он оглянулся, и перехватил взор, не сулящий ему добра. От командирской палатки на него пристально смотрел десятник Лыков, в глазах которого горела неприкрытая ненависть.

5

Палатка на десять человек, хоть и была неудобной, зато избавила от необходимости копать землянку в мерзлом грунте. Удобная в транспортировке, не требующая дополнительных усилий в установке, палатка хорошо подходила для коротких походов, но не для длительных сидений при осажденном городе.

Этот поход ожидался стремительным и победоносным, но долгий сбор войска и суровые морозы, установившиеся в Эстляндии внесли коррективы. Московская рать увязла в глубоких снегах под Кольванью, расположившись для осады, грозящей стать затяжной.

Каменный очаг давал тепло, и, вкуче с дыханием десятерых воинов, обеспечивал сносную температуру внутри палатки. Дым вытягивало наружу, но “банный дух”, от выгорания пропитанных водой веток, в избытке наполнял все пространство. Создавал ненужную, дополнительную влажность.

Суконные и войлочные покрывала местами промерзали, но по-прежнему защищали от порывов холодного балтийского ветра.

– Што, православные, добудем мы чести в сем походе? – в который уже раз завел однообразный разговор Федор-пушкарь. Спросил, как всегда, чрезмерно громко. Иначе разговаривать не мог.

Филипп зашелся кашлем. Третьего дня простыл на учениях, устроенных в чистом поле Лыковым.

– По мне, так не надо чести, лишь бы был прибыток. – сразу же отозвался Михайло.

Хлебалов поморщился. Сам думал тоже, но мысли другого осудил, посчитал недостойными. И особенно оттого, что прозвучали они в устах выскочки малоросса.

– Неушто мы не осилим ливонца? А, Кирилл?

Хлебалов скривился, словно разжевал желудь. И даже не взглянул на вопрошавшего Алешку. Лежал и пялился в потолок солдатской палатки. Что-нибудь разглядеть там не представлялось возможным. Так же как и не имело смысла смотреть по сторонам. Кругом мрак. Присутствие других людей, лежащих вповалку, угадывалось лишь по звукам. На лагерь только напоздали вечерние сумерки, а в этом мерзлом вместилище солдатских тел мрак оставался постоянным.

Вновь надрывно закашлялся Филипп. Заворочались соседи. Кислый запах пота отравлял воздух. И стоящий за пределами палатки мороз являлся благом, предотвращая усиление исходящего от немых человеческих тел тяжелого духа.

После встречи с Хворостовским вся эта холопская солдатская жизнь вновь стала поперек горла. Он, потомственный дворянин, ютится в тесноте солдатской палатки, деля ночлег с тяглыми. Он, проливавший кровь рядом с воеводой Хворостовским. Сходившийся в верховом сабельном бою с лучшими людьми Речи Посполитой, теперь выступает в одном строю с конюхом Алешкой и охотником Филиппом. Он, командовавший дворянскими конниками, исполняет требования лишенного вотчины Лыкова.

Но князь Хворостовский его признал. Быть может еще не все потеряно, и судьба окажется благосклонна к нему? Бог не выдаст, свинья не съест!

– Осилим! – уверенно вставил Михайло, единственный считающий себя вправе высказаться ранее Хлебалова.

– Осилим! – в тон ему повторил Степан, продолжая тереть ладонями промерзлое сукно палатки, словно это кусок сыромятной кожи.

Хлебалов поморщился от раздражения. Но стращать запорожца на глазах всего десятка не стал. Ни место и ни время. Дай срок – и с ним разберемся. Хотя может оставить ему эту "косточку"? Пусть считает, что может поперед Хлебалова лезть. Пока можно. А потом спесь с него собьем.

– Я тебе так скажу, – твердо и уверенно, подпустив ленцу в голос, заговорил Кирилл. – С воеводой Шереметевым, да князем Хворостовским шведа мы в море скинем!

– А бают, что немец шибко пуляет хорошо. И пищалей у него боле чем у нас!

– Боле! – вставил своё дурачок.

– А мы немца на секиры, да на пики! Во це гарно сробится!

Михайло заржал во всё горло. Но его поддержал лишь Степан-дурачок. Остальные замерли в темноте, ожидая слов Хлебалова.

Кирилл бросил быстрый презрительный взгляд во тьму. Но повисшая в палатке тишина ободрила. Внимание слушателей польстило, слегка попустив от неотесанности малоросса.

– Я так скажу, – неспешно продолжил Хлебалов. – Шведа мы завсегда побьем. Коли воеводы наши не перессорятся, решая кто именитее, да родовитие.

Ратники одобрительно загудели.

– А чаво им делить? Они ж все наши?

– Наши, да не наши! – зло выплюнул Хлебалов, чувствуя, что начинает распалаться. "Заткнись ты уже!" – пытался он вразумить себя. Но язык жгло. Слова, словно раскаленные на огне ядра, сами рвались с губ, изливаясь желчью. Его бесили бесталанные воеводы, неспособные принимать самостоятельных решений. Тугодумные и ленивые, и оттого исправляющие свои огрехи жизнями ратников. Любящие красоваться на государевых смотрах, и первые бегу-

щие с поля боя, оставляя служилых самим решать собственную судьбу в проигранном воеводами сражении. И все оттого, что один посчитал себя недостойным вступать в бой после менее родовитого князя. А другой решил, что раз он менее именитый, то и не станет ввязываться в сражение – пускай первый воевода сам своими людьми разбирается.

– Так знамо, Шеремет – старший воевода. – не унимался Алешка, не зная того, что подливает масла в кострище опаленной заушательством души Хлебалова. – Али Мстиславский? Не так?

– Вы не знаете ничего, – раздраженно бросил Кирилл.

Опять приходилось все растолковывать тяглым мужикам. Да был бы от этого толк, а то послушают-послушают, махнут рукой, да скажут: "Бог рассудит", и останутся в своей не рассудительности и невежестве. И чего он им рассусоливает? Но самомнение пихало слова изнутри, и сдержаться Хлебалов не мог:

– Я всяких воевод повидал! Под многими в походы ходил, да пуд соли съел!

Сомневаясь, что мужичье его поняло, добавил:

– Вот как с вами теперь.

– Што, в палатке одной спали?

Хлебалов чуть не подавился смехом от столь откровенной наивности.

– Нет, конечно. Но с одного стола есть доводилось.

По палатке вновь прокатился благоговейный шепоток.

– Так вот, родовитие – князь Мстиславский. Он и первый воевода, государем ставленный. Шереметев по нем второй, оттого и старший. Но, даст Бог, Шереметев нам победу добудет, а кто другой – нет!

В палатке повисло молчание. Служилые чесали затылки, соображая хитросплетения местнического воеводоначалия войска Московского. Вновь зашелся кашлем Филипп.

– А пищалей стенобитных у нас мало. То правда! – продолжил Кирилл, со злостью сжимая грубую солдатскую рогожу, мечтая этими же руками схватить и удержать собственный язык. – И харчей, да портков теплых маловато! Да доспех худой, и тот ни каждому даден. И пушкари наши бьют плохо. И сидим мы здесь как вши под скамьей. И наружу не выбраться – ибо перебьют, и остаться нельзя – ибо перемерзнем. Завели нас под град сей на погибель!

– Погибель! – повторил Степан, и, как всегда, ни к месту засмеялся.

Хлебалов стиснул зубы. Ну зачем он всё это говорит? Чего добивается? А если донесут? А если прознает десятник Лыков? Тот сразу помчится к сотнику. И полетит Кириллова буйна головушка с лобного места, да в корзину. А всё оттого, что язык что помело!

Да и не верил же он сам, что не сладит с осадой войско русское. Пока Шереметев воеводит, пока пищали по стенам пуляют, пока ратные полки не поредели в чистую – будет биться рать Московская и возьмет сию крепость, град Кольвань!

Но на языке вертелись другие слова, перед глазами рисовались иные картины. И это непотребство лезло наружу, стремясь захватить, одурманить, оболгать.

– Всё! Хватит балагурить!

Хлебалов со злостью сжал зубы и резко отвернулся к суконной стене. Натянул на голову вонючую рогожу и притворился спящим.

Вновь закашлялся Филипп. Что-то вполголоса забубнил Михайло. Ему не складно вторили другие ратники. Гоготнул Степан.

6

Небольшой лесок, почти полностью вырубленный на нужды осаждающей армии, отделял лагерь от поля, где изредка оттачивали боевые умения воины. Сейчас, в полуверсте от десятка

Лькова, конники Большого полка упражнялись в сабельном бое. Пехота полкалевой руки, маршируя строем под зычные команды сотников, утаптывала глубокий снег левее. Толстый тысяцкий голова на гнедой ногайской кобыле внимательно поглядывал на своих ратников, и временами подстегивал их отборными ругательствами. Служивых выгнали на поле не ради подготовки, а для воспитательной взбучки.

Все остальное московское войско уже грелось у походных костров, хлебало горячую похлебку, травило байки. И лишь их десяток съезжался, смыкал строй, отбивал атаки невидимого врага, рассыпался, обстреливая воображаемого противника стрелами, бесконечно отрабатывал приемы сшибки с вражьиими пикинерами.

Хлебалов всё время отвлекался, любуясь как дворяне резвились на боевых конях. Те готовились к настоящему делу достойному детей боярских.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.